

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.19>

Рудакова Ирина Викторовна

Восприятие времени и пространства советской интеллигенцией 70-х годов

Цель исследования - реконструкция модели хронотопа советской интеллигенции 70-х годов XX века. В данной статье раскрываются основные черты восприятия времени и пространства: их типологические характеристики, развитие в общественном сознании. Прослеживается и наглядно показывается тесная взаимосвязь этих двух измерений. Научная новизна работы заключается в самой цели исследования: ментальность советской интеллигенции 70-х годов рассматривается впервые. В результате была предложена модель хронотопа, а также доказано, что взаимообусловленность времени и пространства происходит из их общей трехчастной структуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/7/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 105-106. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.7.19>

Дата поступления рукописи: 28.05.2020

Цель исследования – реконструкция модели хронотопа советской интеллигенции 70-х годов XX века. В данной статье раскрываются основные черты восприятия времени и пространства: их типологические характеристики, развитие в общественном сознании. Прослеживается и наглядно показывается тесная взаимосвязь этих двух измерений. **Научная новизна** работы заключается в самой цели исследования: ментальность советской интеллигенции 70-х годов рассматривается впервые. **В результате** была предложена модель хронотопа, а также доказано, что взаимообусловленность времени и пространства происходит из их общей трехчастной структуры.

Ключевые слова и фразы: советская интеллигенция; время; пространство; картина мира; хронотоп.

Рудакова Ирина Викторовна, к. филос. н.

Брянский государственный инженерно-технологический университет
ruso.iren@gmail.com

Восприятие времени и пространства советской интеллигенцией 70-х годов

Актуальность темы не вызывает сомнений, потому что история любого народа, страны – неиссякаемый источник его развития. Сейчас мы можем без поправки на ошибку сказать, что российское общество приобретает качественно новые черты, которых не было до начала XXI века: новое поколение транслирует ценности, понять которые мы можем только с помощью анализа нашего прошлого. В XX веке Россия увидела несколько глобальных изменений: 1917 г. – смена царской власти на пролетарскую; 1991 г. – распад сверхдержавы СССР. Причем на наше поколение, безусловно, наибольшее влияние оказало второе. Наверное, этим можно объяснить большое количество исследований, мемуаров, биографий, которые публикуются по этой тематике в последнее время.

Благодаря им постепенно вырисовывается образ российской цивилизации, но все же основная их часть остается в рамках «империализма» или «псевдополюемических концепций вроде тоталитаризма». Следовательно, описывается не столько реальность общества, сколько предписываются идеологические рамки ее видения. Их достаточно много, поэтому ограничимся лишь указанием некоторых: Дж. Хоскинг [16], И. Кондаков [3], О. Платонов [9] и др.

Большую роль в формировании советского общества на протяжении всего предыдущего столетия играла интеллигенция. Эта прослойка общества является ключевой, поэтому обращение к ней позволит рассмотреть и само общество, и его культуру. Такое понимание сложившейся исследовательской традиции и роли интеллигенции обусловило выполнение следующих **задач** исследования: во-первых, рассмотреть город как социальную среду обитания; во-вторых, проанализировать особенности восприятия пространства; в-третьих, раскрыть специфику понимания времени.

Теоретической и методологической базой послужили:

– теория ментальности французской школы «Анналов», разрабатываемая несколькими поколениями ученых [10; 14];

– теория ментальности, разрабатываемая как картина мира отечественными медиевистами [5-8]. Эти работы представляются особо важными, так как ученые особое внимание уделили проблеме различия феноменов идеологии и ментальности;

– теория повседневности работ отечественных [2] и зарубежных социологов, философов [1; 4; 17].

Необходимо отметить, что в данной работе пространство и время выступают как социокультурные феномены. Это обусловило применение соответствующего метода – многомерный подход, который позволяет объединить в единую целостность такие методологические процедуры, как феноменологическая, экзистенциальная, герменевтическая и диалектическая.

Практическая значимость заключается в том, что в раскрываемой статье впервые исследуется основная ментальная характеристика советской интеллигенции 70-х годов – хронотоп, на основе которого возможно описать истинную реальность советского общества.

Обращение к картине мира позволяет нарисовать картину, отличную от той, которую предлагают политические теории. Хотя отрицать ценность и значимость последней мы не можем, влияние официальной идеологии на формирование мировоззрения было, безусловно, большим. При таком подходе в центре исследования оказывается реальное общество.

С этой точки зрения важным для исследования является не вся история существования интеллигенции, а семидесятые годы XX века. Это время можно охарактеризовать как расцвет советской модели общества, а также можно говорить об окончательном формировании ментальности советского человека, а следовательно, интеллигенции.

С одной стороны, интеллигенция имеет ментальные характеристики, которые являются общими для всех советских людей, что дало основание исследователям говорить о появлении нового культурного типа человека – homo soveticus. С другой – есть и индивидуальные ментальные характеристики, которые выделяют и обособляют интеллигенцию как социальную группу. Рассмотрение общих и индивидуальных ментальных характеристик в их взаимосвязи и взаимообусловленности дает возможность представить интеллигенцию как социальное целое.

Анализируя восприятие пространства, прежде всего необходимо восстановить расположение в мировой социальной структуре СССР. Советский Союз находился в северном полушарии на крупнейшем материке земного шара – Евразии, в двух частях света: восточная половина Европы и северная треть Азии. Площадь СССР составляла 22,4 млн км². Это была самая большая по площади страна мира, не только отдельные государства (США, Франция), но и некоторые материки (Австралия, Антарктида, Южная Америка) имеют меньшую площадь.

По данным переписи населения, 15 января 1970 г. численность населения СССР составила 241,720 млн человек, из них 136 млн являлось городским, 105,7 млн – сельским [11, с. 7]. С каждым годом численность населения росла, при этом увеличивалась доля городского населения, а сельского – уменьшалась. Так, например, к 1975 г. всего численность населения была 253,3 млн человек, из них городское – 153, 2 млн, сельское – 100,1 млн [12, с. 7].

К восьмидесятым годам городское население стало основным, а, значит, определяющим важнейшие тенденции развития социальной структуры всего общества: уменьшение доли колхозников, проживающих в городах, незанятого городского населения, уменьшение численности работников, занятых тяжелым физическим трудом, а также работающих в промышленности. При этом увеличивается удельный вес рабочих и служащих в непроемких отраслях и занятых умственным, творческим трудом. Эти процессы во многом были связаны с одним из направлений стратегии правительства – ускорение социально-экономического развития страны, в основном опирающееся на достижения НТП. СССР в кратчайшие сроки стал индустриальной страной, что обусловило увеличение числа городов.

Городские условия жизнедеятельности заметно отличаются от сельских. Культурная среда города несравненно богаче и разнообразней, чем сельская. Это выражается в наличии большого количества учебных заведений, научно-исследовательских институтов, культурно-просветительских учреждений, в количестве и качестве получаемой информации, в уровне культурного обслуживания. Соответственно, город как социальная среда обитания значительно расширяет возможности выбора человеком вида деятельности. Тем самым увеличивается степень свободы, а также возможность проявления своей индивидуальности, всестороннего развития личности. Однако при этом в городе человек чувствует себя более одиноким и отчужденным.

Городские условия более благоприятны для возникновения и формирования интеллигентского сообщества, чем сельские. Поэтому основной средой обитания интеллигенции является город. Говоря в дальнейшем о советской интеллигенции 70-х годов, мы будем иметь в виду, прежде всего, городскую интеллигенцию. Она существенно отличается от сельской по уровню образования, заработной платы, более сложным трудом (особенно научным) и в общем всем образом жизни. Существенной разницей является наличие личного подсобного хозяйства у большинства сельской интеллигенции. Среди городской интеллигенции его имеет примерно только половина, и оно не является товарным (дачные участки, разрешенные в начале 70-х годов). Среда города важна и тем, что в ее условиях в большей степени, чем в сельской местности, происходит стирание различий между нациями. Этому способствовало большее распространение официального языка – русского – среди населения и особенно внешний вид городов: они практически не отличаются друг от друга.

Пространство советского города не только говорит с человеком, но и формирует его. Фактически, советский город – результат трудов интеллигенции, ее понимания нового мира как гражданского, изоморфного, автономного и иерархически стабильного пространства. Основой иерархии была центральная площадь, на которой всегда установлен памятник вождю. В любом городе скульптура изображала Ленина в характерной позе – слово-жест своему народу. В разных городах они очень похожи, так как художники следовали одному канону. Для всех городов характерно нарядное однообразие театров и более строгий внешний вид кинотеатров.

Главной осью формирования среды была центральная улица, а основным структурным элементом – многоквартирный дом. Многоквартирность символизировала устремленность вверх, а постоянно ускоряющееся тиражирование типичных построек – расширение по горизонтали. Таким образом, советский город – это одновременное расширение по двум осям, что, конечно же, формировало особое мироощущение советского пространства как постоянно расширяющееся. В этом была особая необходимость не только в плане обеспечения дешевым и собственным жильем большого количества граждан, но и помогало снизить дискомфортные ощущения от закрытого советского общества.

Указанная выше типичность проектов формировала однородную среду, поскольку дома были похожи друг на друга как братья-близнецы. Они различались только по времени их построения – «сталинки», обычно двухэтажные, покрашенные в желто-песочный цвет, и пятиэтажные «хрущевки» из белого кирпича, который быстро становился серым. Их прототипом являлись римские инсулы, которые решали ту же самую проблему – обеспечение жильем малообеспеченных горожан. Идея равенства всех воплощалась в типичности как самого дома, так и интерьера внутри квартиры. Наиболее полно идею коллективизма воплощали «хрущевки»: тонкие перегородки фактически провозглашали «жизнь на виду у всех». При этом необходимо дополнить, что жизнь в таком доме обуславливает тесную связь не только с соседями (товарищами по строительству коммунизма), но и с самим городом. Стены не выполняют защитной функции ни от соседей, ни от улиц города.

Как говорилась выше, отличительной чертой среды обитания интеллигенции была ее однородность. Здесь большую роль сыграла не только внешняя однотипность городов, но и открытость границ между ними, что давало возможность свободного перемещения в пространстве. Выявляется его разнокачественное ощущение: с одной стороны, осознание огромных размеров страны, а с другой – легкость перемещения благодаря не только открытости границ, но и развитых систем транспорта и коммуникаций. В городе телефон был настолько распространен, что считался повседневным предметом. С помощью телефонного звонка можно

преодолевать огромное пространство в несколько минут. Единственным его недостатком была невозможность увидеть человека, с которым разговариваешь. Это компенсировалось легкостью и доступностью путешествия. Единственным недостатком была некомфортность всех видов советского транспорта. Особенно это было заметно для той группы интеллигентов, которые могли путешествовать, так называемые «выездные».

Здесь мы подошли к еще одному аспекту восприятия пространства, а именно оно четко делилось на «наше», то есть советское, и «заграничное». Такое деление постоянно поддерживалось идеологемой «железного занавеса», выражающейся в разграничении пространства на правильный социалистический мир и неправильный капиталистический Запад. В результате возникала целая гамма чувств и эмоций по отношению к такому разделению. Есть гордость и за свою страну, и в то же время представление о загранице как о некотором рае. «Как все-таки здорово, что ведь именно мы, наша страна первая вышла в космос... да и Циолковский тоже наш... Все это ужасно радует и даже кружит голову, хотя нам завистники наши (капиталистический Запад) все время хотят доказать, что мы бедные и несчастные, плохо живем. Да, разносолов действительно нет, но ведь все сыты, довольны. Правда, очереди мучают. В Чехословакии нет очередей (а ведь тоже социализм!) и во всех магазинах всего полно, а у нас вечный дефицит» [15, с. 51]. Есть переживание чужого пространства и как чудесного, таким примером может служить представление о Париже. В семидесятые годы возникла поговорка – «Увидеть Париж и умереть!». Там все пахнет духами «Шанель № 5» или «Фиджи», люди ходят в костюмах от Пьера Кардена, и большую часть времени они гуляют по улицам или отдыхают в уличных кафе.

Внутреннее пространство страны было ценностно распределено. Оно делилось на столичное и провинциальное. И здесь большую роль сыграла система снабжения. Она была такова, что Москва и республиканские столицы снабжались не только товарами, но и информацией лучше, чем областные города, а тем более районные. Так, например, ученые пытались попасть в Ленинскую московскую библиотеку. «Ленинка» по статусу была научной библиотекой мирового уровня, аккумулирующей печатную культуру. По мнению Стельмаха, ей была отведена роль «библиотечного флагмана, методического центра, задающего профессиональные и идеологические ориентиры для библиотек всей страны. В этом смысле она выполняла родовую функцию любой национальной библиотеке» [13, с. 354]. Поэтому провинциальными интеллигентами столицы воспринимались примерно так же, как и заграница, только своя.

Единственная разница – в четкости деления пространственных границ. Внутри страны, как уже говорилось, границы размыты, внешние же строго очерчены с математической точностью. И, конечно, в этом большую роль сыграло развитие науки. Она определила и еще один аспект переживания пространства. Весь мир мыслился открытым: Сибирь и пустыни, океан и, что более актуально для семидесятых, космос – все покорялось человеком. Это порождало оптимизм, чувство уверенности, ощущение себя хозяином своей жизни и окружающего мира.

Подводя итоги, можно сказать, что, во-первых, пространство представлялось одновременно как открытое и как закрытое, в едином сосуществовании этих характеристик. С одной стороны, оно ограничено пределами СССР, и тут сама страна впечатляет своими размерами по площади. С другой, внешняя территориальная экспансия страны идет не только в пределах планеты, что вызывает ощущение открытости. Во-вторых, советскому интеллигенту было характерно качественное переживание пространства. Внешнее и внутреннее пространство были ценностно распределены. Это можно представить в виде цепочки: капиталистический Запад – социалистический Запад – Москва – столицы республик – областные города – районные города. Восприятие первых трех звеньев цепочки можно охарактеризовать как «чудесный рай». Как мы видим, есть прямая зависимость ценности от пространственной удаленности – более ценно то пространство, которое наиболее удалено. Конечно, мы не можем не учитывать и ценность личного пространства, зоны непосредственной физической манипуляции индивида. И здесь, прежде всего, важны дом и место работы.

Итак, представление о пространстве сложное и разноплановое, то же можно сказать и о восприятии времени. В первом приближении выделяется время личное и общественное. Личное характеризуется двумя категориями – внутреннее время и интересубъектное. Первое основывается на биологических ритмах человеческого организма. «Чувство такое, будто время – лошадь. Скачет под тобой и ужасно трудно удержаться на ней. Устаешь держать. А чуть зазеваешься и уже не грива перед тобой, а хвост, и тот выскальзывает, летит вперед...» [15, с. 86]. Интересубъектное время воспринимается как непрерывное и конечное. Оно выражается ростом человека по социальной иерархии, а точнее – переходом по его ступеням: детский сад, школа, вуз, работа. В каждой ступени есть свои микроуровни, например, для работы это карьерный рост. Для этого уровня характерно сравнение биологического возраста и того, что за это время сделано. «Мне сорок два. Вот и пролетела жизнь, вернее лучшие годы ее. А что впереди?..» [Там же, с. 64].

Структура общественного времени по сравнению с личным более сложна. Общественная временная модель – это сочетание линейных и циклических элементов. Линейная перспектива представляла собой поступательное движение от прошлого через настоящее к будущему. Здесь есть четкое осознание необратимости времени. Большую роль для такого восприятия сыграла официальная модель исторического развития страны. Все историческое время делилось на дооктябрьское и послеоктябрьское. Внедрялось это посредством системы воспитания и образования с детства, поэтому не учитывать этот аспект невозможно, хотя и преувеличивать его значимость тоже не стоит. Советский интеллигент был устремлен в будущее, жил и переносил тяготы ради его достижения. Такой взгляд на время порождал в общественной психологии спокойное, терпимое отношение к неудобствам и недостаткам (прежде всего бытовым) сегодняшнего дня, создавал обстановку энтузиазма строительства нового общества и радостное ожидание скорого прекрасного будущего.

Характерной чертой восприятия линейного времени является его десакрализация. Время стало возможным изменить. Отсюда и потребность в контроле над временем, а следствие – всё возрастающая его точность

и дробность. В культурном восприятии его течение убыстряется – время становится не просто *быстротечным*, а *мимолётным*. Оно сжимается до предела. Это отражается в личном восприятии времени, и приведенный нами пример из дневника Эльвиры Филиппович это наглядно доказывает.

Что касается циклического времени, то естественный счет по годам подчеркивался официальными праздниками. В семидесятые годы соотношение праздника со временем года усилилось, и на первое место вышло время года. Например, 1 и 2 мая стали обозначать как майские праздники, и т.д. Это стало настолько естественным, что уже не рефлексировалось и властью. Наглядным примером могут служить почтовые конверты и открытки, в которых отражена официальная картина мира. На них все большее место занимает изображение природы. В пятидесятые годы подобного не было вообще.

Таким образом, временная модель представляет собой сложную структуру. Ее основными категориями являются время личное, разделяющееся на внутреннее и интересубъектное, и общественное, сочетающее в себе линейные и циклические элементы. Они неразрывны и взаимосвязаны не только между собой, но и с пространственными представлениями.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующий *вывод*: сложная модель пространства обуславливает не менее сложную модель времени. Она состоит из трехчастной структуры, в основе которой лежит чувство собственности индивида: мое – наше – чье-то. Пространство делится на мое (квартира/дача) – наше (советское) – чужое (заграница). Наблюдается характерная особенность: чем дальше от меня, тем ценнее. Время организуется по принципу: мое (личное) – наше (интересубъектное) – общественное (линейно-циклическое).

Взаимосвязь времени и пространства проявляется в их взаимообусловленности. Фактически они воспринимаются как постоянно движущиеся. Наблюдается устойчивое переживание быстрого темпа развития. Легкость перемещения в пространстве отражается на качествах времени – оно сжимается до предела, отмечается его быстротечность. Также характерно убеждение возможности контролировать и то, и другое. Другими словами, можно сказать, здесь реализуется тотальный принцип плановости, характерный для советского сознания. Возможность покорить любое пространство распространяется и на отношение ко времени – его можно изменить. Происходит десакрализация времени. На основе представлений о пространстве и времени, вырастающих из них эмоционально-психологических реакций личности, сложилась система ценностей советского человека.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 460 с.
2. Кондрашов Т. Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // *Философия и общество*. 2006. № 3. С. 90-116.
3. *Культура России*: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 357 с.
4. Кунденко Я. Н. Повсякденність як реалія культурної дійсності. Х., 1999. 20 с.
5. *Одиссей. Человек в истории 1989: исследования по социальной истории и истории культуры* / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1989. 195 с.
6. *Одиссей. Человек в истории 1990: исследования по социальной истории и истории культуры* / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. 222 с.
7. *Одиссей. Человек в истории 1991: исследования по социальной истории и истории культуры* / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1991. 192 с.
8. *Одиссей. Человек в истории 1996: исследования по социальной истории и истории культуры* / отв. ред. А. Я. Гуревич. М.: Наука, 1996. 368 с.
9. Платонов О. Терновый венец России: история русского народа в XX веке: в 2-х т. М.: Родник, 1997. Т. 2. 1040 с.
10. *Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов»*: сборник. М.: Наука, 1993. 208 с.
11. *СССР в цифрах в 1970 г.*: краткий статистический сборник / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. М., 1971. 235 с.
12. *СССР в цифрах в 1975 г.*: краткий статистический сборник / Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. М., 1975. 240 с.
13. Стельмах В. Д. В связи и по поводу // *НЛЮ*. 2006. № 81. С. 351-356.
14. Февр Л. Бой за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
15. Филиппович Э. Г. От советской пионерки до челнока-пензионерки. М.: Изд. содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2003. 584 с.
16. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991 / пер. с англ. П. Куценкова. Смоленск: Русич, 2001. 496 с.
17. Шютц А. Структура повседневного мышления // *Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 129-137.

Perception of Time and Space by the Soviet Intellectuals of the 1970s

Rudakova Irina Viktorovna, PhD
Bryansk State University of Engineering and Technology
ruso.iren@gmail.com

The study aims to reconstruct a chronotope model peculiar to the Soviet intellectuals in the 70s of the XX century. The article sheds light on the main features of time and space perception: their typological characteristics, development in social consciousness. A strong link between the two dimensions is traced and demonstrated. Scientific novelty of the research lies in its very aim: mentality of the Soviet intellectuals of the 1970s is considered for the first time. As a result, a chronotope model has been proposed; it has been also proved that interdependence of time and space derives from the three-part structure they share.

Key words and phrases: Soviet intellectuals; time; space; worldview; chronotope.